

КИЗЛЯРСКИЙ ГОВОР ТЕРСКОГО ДИАЛЕКТА КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА: ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ В АРЕАЛЬНОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Г.-Р.А.-К. Гусейнов

г. Махачкала

Резюме: Изолированный кизлярский (селения Кизляр, Предгорное и Малый Малгобек Моздокского района Республики Северная Осетия – Алания) говор терского диалекта кумыкского языка еще не становился предметом специального рассмотрения. Основная цель данной публикации – рассмотрение лексических особенностей данного говора в широком ареальном и историческом контексте его взаимоотношений с другими кумыкскими диалектами и иными тюркскими языками. В результате произведенного анализа были установлены дополнительные лингвистические и исторические аргументы, которые указывают на обширные западные ареальные пределы распространения кумыкского языка в позднем средневековье и более раннее возникновение некоторых рассмотренных при этом лексических особенностей данного говора.

Ключевые слова: кумыкский язык, терский диалект, кизлярский говор, ареальный контекст/ареальная лингвистика, исторический контекст.

Носители рассматриваемого говора терского диалекта кумыкского языка исторически (оказавшись в дальнейшем, но лишь с XVIII–XIX вв., в русско-осетино-(кабардино)-ингушском окружении) проживают в настоящее время в собственно кумыкских селениях Моздокского района Республики Северная Осетия – Алания, главным образом, Кизляр (Верхние Бековичи/Бекиш-юрт, Кучук/Гючюк-юрт), а также Предгорное и Малый Малгобек. По переписи 2010 г. их насчитывалось 16 092 человека.

Данный говор терского диалекта кумыкского языка еще не становился объектом системного лингвистического анализа, в отличие от другого – бораганского (брагунского) – говора, монографически описанного Н.Х. Ольмесовым [Ольмесов 1994], памяти которого посвящена настоящая статья.

Впервые терский диалект кумыкского языка, именуясь «кизляро-моздокским», упоминается в перечне «татарских» (тюркских) наречий России Т.Н. Макаровым в его «Татарской грамматике кавказского наречия» [Макаров 1848: III] – первой научной грамматике кумыкского языка. Лишь в 1967 г. фонетические, грамматические и лексические особенности терского диалекта впервые, но без упоминания его говоров были сравнительно подробно описаны в «Очерках кумыкской диалектологии» И.А. Керимова [Керимов 1967: 105–134].

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Дагестанского государственного университета, e-mail: garun48@mail.ru.

Затем Ж.М. Хангишиев [Хангишиев 1989: 78–79], характеризуя терский диалект, приводит краткое описание его фонетико-грамматических особенностей в целом и более подробное – лексических черт (ср. русизмы, присущие говору с. Кизляр – русск. диал. терск. *ванда* ‘прутяная сеть’ (с XVII в.), известное и брагунскому говору [Гусейнов 2010: 165] при кум. кизляр. *лестик* ‘сатин’ [Хангишиев 1989: 79] < *ластик* ‘хлопчатобумажная ткань, с лицевой стороны похожая на атлас’ (впервые в словаре Даля) [ССРЛЯ 1957: 6, 74], имеющее в говорах, но не терских, значение ‘сатин’ [см. СРНГ 1980: 16, 281]). В дальнейшем фонетический материал брагунского и кизлярского говоров, наряду с прочими кумыкскими диалектами и говорами, становится предметом сравнительно-исторического рассмотрения в монографии Н.Х. Ольмесова [Ольмесов 1997].

В 2015 г. учителями кумыкского языка и литературы школ с. Кизляр А.Ш. Магометовой, И.З. Хажалиевой, Р.Г. Шамурзаевой был впервые осуществлен сбор лексического материала говора на основе словника (более 1300 наименований) «Серии межконтинентальных словарей» Департамента лингвистики Института эволюционной антропологии имени М. Планка (г. Лейпциг, ФРГ). Выявленная специфическая, неизвестная кумыкскому литературному языку лексика данного говора (174 лексические единицы) была обнародована в специальной статье [Магометова и др. 2015]. Автором данной статьи в 2017–2018 гг. был осуществлен целый ряд иных публикаций, некоторые материалы которых были использованы в данной работе (см. в последующем изложении). В силу того что терский диалект отличается от литературного языка «лишь некоторыми незначительными морфологическими особенностями» [Керимов 1967: 120], целью настоящей работы стал диахронно ориентированный (в ареальном и историко-этимологическом контексте) анализ лексических особенностей рассматриваемого говора. Его фонетические особенности, рассмотренные в том же контексте, стали предметом анализа в другой статье, которая сдана в печать.

Верхний предел хронологических рамок настоящего исследования составляет в основном время от начала формирования кумыкского языка в качестве самостоятельной общности. Оно может быть отнесено к эпохе позднего Средневековья (в европейской традиции это обычно XIV–XV вв.), когда имеет место связываемый с экспансией Тимура распад, по лексико-статистическим данным, к концу XIV – началу XV вв. (северо)кавказской тюркской общности кумыкского и карачаево-балкарского языков [СИГТЯ 2002: 732, рис. 3, 736], что, в принципе, предполагает их прошлую территориальную смежность. Причем уже в конце XIV в. часть терских кумыков – будущих носителей терского диалекта – уходит в связи с этим в Крым, где с ними в дальнейшем отождествляется один из четырех правящих родов – барын (другие – ширин, аргын и мансур) [Алиев 2004: 91–95] из области Борган-Маджар, где находился в XIII–XVI вв. крупнейший золотоордынский город Северного Кавказа Маджар (ныне г. Буденновск Ставропольского края).

Причем Маджар был известен письменной кумыкской исторической традицией («Дербенд-Наме») в том же Позднем Средневековье, связываясь с предшествующей эпохой хазар как крепость Уллу (Большой) Маджар (будущий Татартуп – Верхний Джулат) наряду с крепостью Кичи (Малый) Маджар на территории Засулакской Кумыкии [Алиев 2009а: 393].

О древности данного ойконима и пребывании там же хазарских предков кумыков говорит то, что он может быть возведен к названию реки, страны и хазарского города Баланджар/Баранджар, первой столицы хазар, который отождествляется некоторыми историками с Маджаром. Видимо, не случайно только в золотоордынский (вторая половина XIII – начало XVI вв.) период, но не раньше, как это обычно полагают, имеет место окончательная кыпчакизация кумыкского, как и других булгарских (куманских) языков Крыма, Северного Кавказа и Дагестана [Гусейнов 2010: 86, 87, 171], при том что развитие *б->м-* в Маджар из Баланджар/Баранджар могло быть обусловлено именно кыпчакским влиянием [Дыбо 2007: 40].

Уже к 1502 г., ко времени падения Большой Орды, государство кумыков (Къумукъ гъакимиег), называвшееся с XVI в. Вилайат Дагестан с титулом его правителя-чингизида *шаухал/шамхал*, включало в свой состав пространство от реки Баксан до Дербента. В его состав входило и Брагунское ханство [Идрисов, Абдусаламов 2013].

Потомки его владетелей возводили себя к упоминаемому в 1396 г. Бораганхану «властелину Татартупа» (Верхнего Джулата) [Алиев 2008: 117, 196 табл. 21], который располагался по обеим сторонам р. Терек близ современного с. Эльхотово (отождествляется с Верхним Джулатом (кум. терск. Ялхот > совр. осет. Елхот) в нынешней Северной Осетии). И в дальнейшем, еще в 1666 г., знаменитый турецкий путешественник Эвлия Челеби [Челеби 1979: 101–102] упоминает там же, в городе Татартуп (Верхний Джулат) – крупнейшем городском центре Золотой Орды на Северном Кавказе – «множество хранителей-тюрбедаров, которые происходят из кумыков» (надо полагать, терских). Причем память о Джулате, исчезнувшем городе, сохранилась в лексике кизлярского говора, в котором слово *джулат* обозначает привидение – *гёзге гёрюнеген зат* [см. Хангишиев 1989: 79] ‘глазу видимое нечто’.

В отношении вассалитета к *шаухалу/шамхалу* ‘верховному правителю’ находились и другие соседние кумыкские государственные образования того времени: Тюменское крым-шамхальство в низовьях Терека и Кумы (именно по ее течению на месте нынешнего Буденновска был расположен г. Маджар – см. выше) с южными границами до р. Сулак в XV в. (причем кумыки, надо полагать, кизлярцы, были известны еще с XV–XVI вв. в г. Малая Тюмень, находившемся на месте нынешнего Моздока (кум. терск. Мазлек) [Ярбаш, Идрисов 2018: 32–33], в районе которого они проживают до настоящего времени в с. Кизляр); Кайтаг, который располагался между Дербентом и средневековым кумыкским городом Бойнакь (нынешний Избербаш), в то время как Брагунское ханство (Борагъан) находилось ко времени вторжения Тимура между Беш-Тау, или Беш-Дагом (Пятигорьем), и средним течением Терека [Ханмурзаев, Идрисов 2008: 124], в пределах побережья которого до сих пор проживают кизлярцы и брагунцы – носители терского кумыкского диалекта.

Кабардинские поселения, традиционно именуемые Малой Кабардой, появились в районе будущего Моздока, где еще в XV–XVI вв. были известны кумыки (см. выше), лишь к началу 60-х гг. XVIII в. [Волкова 1974: 56]. В начале 20-х гг. XIX в. владельцы Малой Кабарды кумыкские князья Бековичи-Черкасские, которые получили в 1824 г. грамоту, узаконившую их право на владение здесь

100 тыс. десятин земли [Ист. Сев. Кав. 1988: 95], переселяют сюда кумыков из принадлежавших им селений, находившихся в предгорной зоне нынешней Чечни и вытесненных из них в середине-конце XVIII в. Ими в Малой Кабарде были основаны кумыкские селения Кизляр, Коздемир, Магомет-Юрт и др. И уже в 1873 г. кумыков насчитывалось в Малой Кабарде 2106 человек [Гусейнов 1999: 56], в 1897 г. – 2349 [Перепись 1905: 82]. Осетинские поселения в районе крепости Моздок появляются позднее кабардинских, и первые из них – Черноярское и Новоосетинское – стали известны в лишь в начале XIX в. [Магометов 1963: 109].

Таким образом, кумыкское (тюркское) население вышеназванной области было исторически первичным. Неслучайно к числу следствий, в сущности, исторически непродолжительных контактов с вышеупомянутым пришлым населением в условиях, когда кумыкский язык использовался в регионе в качестве основного средства межэтнического общения (известны факты, когда в рассматриваемую эпоху в Кизляр приезжали жители соседних селений, например, ингуши, для того, чтобы выучить кумыкский язык [Волкова 1974: 209]), исследователи относят всего два осетинских слова – *катцахъур* ‘кустарник с кислыми листьями’ и *г’айэт бишлахъ* ‘творог’, где последнее слово обозначает в кумыкском ‘сыр’ [Керимов 1967: 123].

Таковой была история и историческая область расселения носителей кизлярского говора терского кумыкского диалекта. Они вместе с тюменами и гуенами [Алиев 2011], последние из которых исторически проживали на территории нынешней Чечни, – двумя субэтническими подразделениями других северных кумыков, занимавших восточные пределы Притеречья, – могут быть отнесены к числу древнейших кумыкских равнинных и предгорных субэтносов, занимавших вместе с терскими кумыками западную часть области исторического расселения кумыков.

Показательно, что последующий этимологический анализ только части вышеупомянутой лексики позволил в дальнейшем установить словесную единицу, относящуюся к древнейшему праалтайскому уровню. Об этом говорит анлаутное *гь-(h-)*, указывающее на возможность сохранения древнего (пра)алтайского облика данного слова [Дыбо 2007: 48–49]. Ср.: *гьакгоьв* ‘безумный’ при браг. терск. *гьагев* [Комри, Халилов 2010: 731], кум. лит. *гьайгев*, кум. хасав. *гьайюв* ‘глупый’. Данные формы могли развиться в результате действия различных процессов лабиализации, характерных для названных диалектов [Ольмесов 1997: 59, 61–62]. В качестве исходной может рассматриваться кум. лит. *гьанкъав* ‘глупый, тупой, бестолковый’ при ног. лит. *анъкав* ‘1) наивный человек; простак, простофиля; 2) глупый; 3) разиня, ротозей’, которые, наряду с аналогичными формами других тюркских языков, являются названиями носителя процесса от *аη-* ‘опешить’ [Севортян 1974: 154]. При этом аналогичные изменения консонантизма (-*η-/-з-/-й-//кь) в инлаутной позиции оказываются присущими широкому кругу иных тюркских языков [СИГТЯ 1984: 339–342].

В говоре обнаруживается также лексическая форма, относящаяся к менее древнему (с эпохи Хазарского каганата) болгаро-хазарско-караимскому, включая ареально крымский (караимский), уровню, имея также в виду близкородственные отношения названных языков, – *лапур болуп акъмакъ* ‘течь, литься потоком’. Ей прямо соответствует, с одной стороны, кум. лит. *тёгюлмек*, *кёуюлмакъ*, *лапур*

‘кучка, охалка (сена, соломы)’, кум. лит. *лопа-лопа къар йава* ‘(большими) хлопьями снег падает’ [Кум.-рус. сл. 1969: 220]. С другой – караим. крым. *лапа-лапа* ‘хлопья в выражении *лапа-лапа*’ [Кар.-рус.-польск. сл. 1974: 390], которое встречается в фольклоре караимов наряду с упоминанием этнонима хазар: «*Аткъа миндим – сагдагъым бар, Сагдагъымда ўч окъым бар, Ўчи билен ўч йат урсам, Хазар бийдэн тартагъым бар. Лапа-лапа кар йава, Эрби-баба къой сойа, Байларымыз той чала, Хазар огълу ат чаба*» ‘Сел я на коня – имею колчан, В моем колчане есть три стрелы, Если ими тремя убью трех врагов, Будет мне награда от хазарского князя. Хлопьями падает снег, Отец Эрби режет барана, Наши богачи свадьбу играют, Сын хазарский скачет на коне’ [Прик 1976: 5–6].

Упоминание хазар встречается и в фольклоре кумыков, ср.: *Хазар гетди – гетди хазна къумукъдан* ‘Ушли хазары – ушла казна от кумыков’. Кроме того, по мнению некоторых исследователей, к хазарской эпохе относятся и отдельные гебраизмы кумыкского языка, ср.: *ибрай/ибрайлар* – этноним древних евреев, *аван болмакъ* ‘оказаться простаком’, *лайсан (ййсан)* ‘праздник первого весеннего дождя’ [Алиев 2009б: 4–5].

С другой стороны, к кум. кизл. *къотан* ‘конюшня, стойло’ обнаруживает семантическую близость кар. трак., луцк.-галиц. *котан* ‘конюшня’ при кар. крым. *къотан* ‘загон для скота’, кум. лит. *къотан* ‘помещение для скота и работников’, ‘большое земельное угодье, в основном пастбищное’ [СИГТЯ 2001: 524], а также, по другим данным, караим. трак., луцк.-галиц. *котан* ‘конюшня, хлев’ [Кар.-рус.-польск. сл. 1974: 335]. Все это может быть объяснено и тем, что кумыкский и караимский языки считаются наследниками хазаро-булгарского, если принять во внимание следы его влияния, сохранившиеся в них, а также в северных диалектах азербайджанского языка [Хазарский язык].

Другие лексические факты также говорят о соответственно давнем времени проживания на Восточном Кавказе предков нынешних кумыков-кизлярцев, ареал обитания которых мог включать и прикаспийский регион. Об этом может свидетельствовать, помимо приведенных выше исторических данных, название паруса (*гемени ел кетени* досл. ‘корабля ветряной холст’, ср. кум. лит. *кетен* ‘холст, полотно’) при обще-, межтюркском, включая кумыкский литературный (при к.-балк. *джелпек* ‘парус’, где *джел* ‘ветер’), *елкен* ‘парус’.

Это слово считается производным на *-кен* со значением орудия действия от *ел-* ‘дуть (о ветре)’ при известности семантической этимологии как производное на *ен-* от отыменного глагола *йел-ик* [см. ЭСТЯ 1989: 181]. На наш взгляд, не исключено, что вышеприведенное обще-, межтюркское *елкен* могло развиваться в результате стяжения из словосочетания, аналогичного вышеприведенному, ср.: кум. кизляр. *ел кетени* > *елкетен > *елкен*, т. е. речь может идти о возможности сохранения данной исходной формы в рассматриваемом говоре. При этом слово *keten* ‘лен’, являясь общетюркским арабизмом (< *kattan* ‘лен, полотно’ [Шагиров 1977, №1427]) обладает и иными значениями, среди которых также ‘парус’, известное некоторым западнокыпчакским языкам – средневековому армяно-кыпчакскому (*k’etan* ~ *k’ietan* ~ *k’ietan*) и караимскому (ср.: трак. *k’et’an*, луцк.-галиц., крым. *keten*) [СИГТЯ 2001: 128]. В свою очередь, средневековый армяно-кыпчакский язык, носители которого (армяне, подвергшиеся языковой ассимиляции в Крыму в XIV–XV вв. [Дашкевич 1983: 93]) мигрировали из Крыма на

нынешнюю Украину, обнаруживает системную (фонетико-морфологическую) близость к западнокыпчакским языкам [Гусейнов 2010: 172] (к ним относятся караимский, карачаево-балкарский, кумыкский, крымско-татарский и урумский [СИГТЯ 2002: 217]).

Таким образом, речь может идти о самостоятельной лексической изоглоссе, включающей кумыкский кизлярский говор, караимский, крымско-татарский и армяно-кыпчакский языки. При том что разделение кыпчакско-кавказской и кыпчакско-татарской ветвей относится ко времени окончательного распада Хазарского каганата в 1050 г., отделение крымско-татарско-караимского единства от мишаро-татарско-сибирского имеет место в XIII–XIV вв. [см. СИГТЯ 2002: 732, 736]. Не исключено поэтому, что возникновение данной глоссы может быть связано с вышеупомянутым уходом в конце XIV в. части терских кумыков – будущих носителей терского диалекта – в Крым.

Помимо позднейших лексических сходств с ареально смежным ногайским языком, обязанных, возможно, его воздействием на говор [см. Гусейнов 2017], что могло иметь место в позднесредневековую, точнее, постзолотоордынскую эпоху, когда в регионе появились носители указанного языка. В говоре также обнаруживаются лексические формы, связанные как со смежным западнотюркским, так и отдаленным восточнотюркским ареалами, в последнем случае несмотря на расположение в крайней западной части нынешнего распространения кумыкского языка.

Ср. в первом отношении: *кяхыт* (*кехыт* при известности в терском диалекте чередования *гь/х* [см. Хангишиев 1989: 76, 78]), которое (при кум. лит. *кагъыз* ‘бумага’) в большей степени отвечает с учетом указанного выше звукосоответствия ног. *кагъыт*, к.-балк., кар., кр.-тат. *кѡагъыт*, тур. *kâğit* ‘бумага’ (< др.-тюрк. *qağat*, *qağaz* [Др.-тюрк. сл. 1969: 405]). Им также соответствуют, в принципе, формы горных чеченских диалектов (кист., итум. *кегъат*, чеб. *кагъат*), в то время как чеч. *кехат*, инг., акк. *каъхат* [см. Алироев 1975: 290] восходят, несмотря на большую территориальную удаленность, к кизлярскому говору, что можно объяснить прошлым пребыванием части его носителей в предгорной части нынешней Чечни (см. в предшествующем изложении). Сюда же: *озек* ‘остров’, которое при известности преимущественно западнотюркским языкам не отмечено в них в указанном значении [см. Севортыян 1974: 510], ср.: кум. лит. *атав* ‘остров’ при *оьзек* ‘1. овраг (неглубокий); 2. ручей (протекающий в овраге)’; *гевек* (азерб. *кѡпѡк*, азерб.-теркм. *кепек* [Комри, Халилов 2010: 180]), но кум. лит. *кѡаснакѡ* ‘перхоть’; *судан янмакѡ* (азерб.-теркм. *янмаг* [Комри, Халилов 2010: 277]), но кум. лит. *сувсаѡ* ‘жажда’.

Что касается связей со вторым – восточнотюркским – ареалом, то к числу их свидетельств относятся: *кѡачырмакѡ* (гъайван) ‘совокупляться’, кирг. *кѡач-* ‘желать самца (о животных)’, узб. *кѡач-* ‘случаться, быть покрытым’ [ЭСТЯ 1997: 340–341] при кум. лит. *сигишимек* ‘совокупляться (вообще)’; *сунгумек* ‘нырять’ – уйг. *суьнгуй* ‘нырять’, кирг. *суьнгуй* ‘нырять, купаться’ при кум. лит. *суьнгуй* ‘копье, пика’ и *чомулмакѡ* ‘нырять’ общетюркского характера [ЭСТЯ 2003: 356].

Ожидаемым оказалось, что говор имеет несколько большую близость к брагунскому говору терского диалекта, но, с другой стороны, обращает на себя внимание и то, что аналогичный совокупный уровень близости обоих терских гово-

ров обнаруживается, как было уже отмечено автором [Гусейнов 2018б: 87], в отношении говоров южнокумыкских подгорного и кайтагского диалектов, ареально не смежных с терскими говорами (то есть «через голову» хасавюртовского и буйнакского диалектов, легших в основу кумыкского литературного языка, что указывает на значительную древность соответствующих связей).

Вместе с тем факты лексической близости кизлярского говора, кайтагского и подгорного диалектов, отмеченные в предшествующем изложении, носят ареальный характер, могут быть обусловлены более общими причинами исторического характера, анализ которых не входит в задачи настоящего исследования. Данное обстоятельство может быть объяснено не только уже установленной миграцией его носителей в Кайтаг [Гусейнов 2018б: 87], куда ушли жители кумыкского Тюменского крым-шамхальства (см. в предшествующем изложении) после его включения в состав Русского государства в 1594 г., через Засулакскую Кумыкию и далее на юг, в кумыкское с. Башлы в Кайтаге [Идрисов 2014], где основали с. Тюменлер (т. е. тюменцы) [Гусейнов 2018б], но и гораздо более древними и обширными ареальными пределами проживания их предков барсил на Северном Кавказе и в Дагестане [Гусейнов 2018а].

Изучение этого аспекта древней и позднесредневековой языковой истории носителей рассматриваемого говора, некоторые системные лексические факты которого уже были отмечены в предшествующем изложении, составит цель дальнейших исследований автора.

Сокращения названий языков, диалектов и говоров

азерб.	азербайджанский	крым.	крымский
азерб.-теркм.	теркеменский (говор азербайджанского языка)	кум. кизляр.	кизлярский говор терского диалекта кумыкского языка
акк.	аккинский (диалект чеченского языка)	кум. лит.	кумыкский литературный
браг. терск.	брагунский (говор терского диалекта кумыкского языка)	кум. хасав.	хасавюртовский диалект кумыкского языка
др.-тюрк.	древнетюркский	луцк.-галиц.	луцко-галицкий диалект караимского языка
инг.	ингушский	ног.	ногайский
кар.	караимский	русск. диал. терск.	русское терское диалектное
итум.	итумкалинский (диалект чеченского языка)	трак.	тракайский диалект караимского языка
к.-балк.	карачаево-балкарский	чеб.	чеберлойский диалект чеченского языка
кирг.	киргизский	чеч.	чеченский
кист.	кистинский (диалект чеченского языка)	уйг.	уйгурский
кр.-тат.	крымско-татарский	узб.	узбекский

Литература

- Алиев 2004 – *Алиев К.М.* Дорогою тысячелетий: кумыки и их этнородственные связи. – Махачкала, 2004. – 127 с. {*K.M. Aliyev.* By Road of Millenniums: Kumyks and Their Ethno-Related Ties. – Makhachkala, 2004. – 127 p.}
- Алиев 2008 – *Алиев К.М.* Шамхалы Тарковские. Страницы кумыкской родословной. – Махачкала, 2008. – 203 с. {*K.M. Aliyev.* Tarkovsky Shamkhals. Pages of the Kumyk Family Tree. – Makhachkala, 2008. – 203 p.}

- Алиев 2009а – *Алиев К.М.* Влияние Золотой Орды на этнос и культуру Кавказа // Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». – Казань: Фэн, 2009. – С. 392–400. {*K.M. Aliyev.* Influence of the Golden Horde on Ethnos and Culture of the Caucasus // Materials of the International Scientific Conference «Political and Socio-Economic History of the Golden Horde (XIII–XV centuries)». – Kazan: Fen, 2009. – PP. 392–400.}
- Алиев 2009б – *Алиев К.М.* О влиянии хазарских евреев на этнос и культуру кумыков // Тезисы докладов региональной научной конференции «История, историография и этнография горских евреев». – Дербент: Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук, 2009. – С. 4–9. {*K.M. Aliyev.* On the Influence of Khazar Jews on the Ethnos and Culture of the Kumyks // Theses of the Reports of the Regional Scientific Conference «History, Historiography and Ethnography of Mountain Jews». – Derbent: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2009. – PP. 4–9.}
- Алиев 2011 – *Алиев К.М.* Кумыкские гуены и тюмены (к этнической истории Засулакской Кумыкии позднезолотоордынского периода (XV–XVIII вв.)) // Материалы Международной научной конференции «Султан-Махмуд и его наследники в дагестанском историческом процессе (XV–XVIII вв.)». – Махачкала, 2011. – С. 106–121. {*K.M. Aliyev.* The Kumyk Guyens and Tyumens (to the Ethnic History of Zaslak Kumykia of the late Golden Horde Period (the XVth–XVIIIth centuries) // Materials of the International Scientific Conference «Sultan-Mahmoud and his Successors in the Dagestan Historical Process (the 15th–18th centuries)». – Makhachkala, 2011. – PP. 106–121.}
- Алироев 1975 – *Алироев И.Ю.* Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. – Махачкала: Чечено-Ингушское издательство, 1975. – 383 с. {*I.Yu. Aliroev.* Comparative Dictionary of Branch Vocabulary of Chechen and Ingush Languages and Dialects. – Makhachkala: Chechen-Ingush Publishing House, 1975. – 383 p.}
- Волкова 1974 – *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. – М.: Наука, 1974. – 275 с. {*N.G. Volkova.* Ethnic Composition of the Population of the North Caucasus in the XVIIIth – early XIXth centuries. – Moscow: Nauka, 1974. – 275 p.}
- Гусейнов 1999 – *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* К истории кумыкского этноса на Северо-Восточном Кавказе: Северная Осетия и Ингушетия // Возрождение. – Махачкала, 1999. – № 5. – С. 31–34. {*G.-R.A.-K. Guseynov.* To the History of the Kumyk Ethnic Group in the Northeast Caucasus: North Ossetia and Ingushetia // Revival. – Makhachkala, 1999. – No. 5. – PP. 31–34.}
- Гусейнов 2010 – *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. – Махачкала, 2010. – 214 с. {*G.-R.A.-K. Guseynov.* Story of Ancient and Medieval Relationships of the Northeast Caucasus and Dagestan Languages with Russian. – Makhachkala, 2011. – 214 p.}
- Гусейнов 2017 – *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Лексические особенности кизлярского говора терского диалекта кумыкского языка в ареальном освещении // Материалы XVII Всероссийской научной конференции (с международным участием) «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России». – Уфа, 2017. – С. 81–84. {*G.-R.A.-K. Guseynov.* Lexical Features of the Kizlyar Sub-Dialect of the Tersky Dialect of the Kumyk Language in the Areal Coverage // Materials of the XVII All-Russian Scientific Conference (with International Participation) «Topical Problems of Dialectology of Languages of the Peoples of Russia». – Ufa, 2017. – PP. 81–84.}
- Гусейнов 2018а – *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Из древней и средневековой северокавказской предистории и истории крымских барынов: от барсил и хазар к кумыкам-брагунцам // Крымское историческое обозрение. – Казань, 2018. – № 1. – С. 8–26. {*G.-R.A.-K. Guseynov.* From the Ancient and Medieval North Caucasian Background and History of Crimean Baryns: from Barsils and Khazars to Kumyks-Bragunians // Crimean historical review. – Kazan, 2018. – No. 1. – PP. 8–26.}
- Гусейнов 2018б – *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Лексические и некоторые фонетические особенности кизлярского говора терского диалекта кумыкского языка в ареальном и историко-этимологическом контексте // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – Махачкала, 2018. – № 2. – С. 84–89. {*G.-R.A.-K. Guseynov.* Lexical and Some Phonetic Features of Kizlyar Sub-Dialect of the Tersky Dialect of the Kumyk Language in Areal and Histori-

- cal-Etymological Context // Journal of Dagestan State University. Series 2. Humanities. – Makhachkala, 2018. – No. 2. – PP. 84–89.}
- Дашкевич 1983 – *Дашкевич Я.Р.* Армяно-кыпчакский язык: этапы истории // Вопросы языкознания. – 1983. – № 2. – С. 91–107. {*Ya.R. Dashkevich.* Armenian-Kypchak Language: Stages of History // Issues of linguistics. – 1983. – No. 2. – PP. 91–107.}
- Др.-тюрк. сл. 1969 – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с. {Old Turkic Dictionary. – Leningrad: Nauka, 1969. – 676 p.}
- Дыбо 2007 – *Дыбо А.В.* Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд. – М.: Восточная литература, 2007. – 223 с. {*A.V. Dybo.* Linguistic Contacts of early Turks: Lexical Foundation. – Moscow: Vostochnaya literatura, 2007. – 223 p.}
- Идрисов, Абдусаламов 2013 – *Идрисов Ю.М., Абдусаламов М.-П. Б.* Северо-Восточный Кавказ, его география, население и феодальная элита в описаниях Эвлии Челеби и Адама Олеария: различия и сходства // Вестник Московского областного государственного университета. Серия «История и политические науки». – М., 2013. – № 4. – С. 63–68. {*Yu.M. Idrisov, M.-P. B. Abdusalamov.* North-East Caucasus, its Geography, Population and Feudal Elite in the Descriptions of Evliya Chelebi and Adam Olearia: Differences and Similarities // Journal of the Moscow Regional State University. Series «History and Political Sciences». – Moscow, 2013. – No. 4. – PP. 63–68.}
- Идрисов 2014 – *Идрисов Ю.М.* Кавказская Тюмень между Волгой и Кавказом: возникновение и гибель государства // Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань: Фэн, 2014. – Вып. 6. – С. 80–84. {*Yu.M. Idrisov.* Caucasus Tyumen between Volga and Caucasus: the Emergence and Death of the State // Medieval Turkic-Tatar states. – Kazan: Fen, 2014. – Issue 6. – PP. 80–84.}
- Ист. Сев. Кав. 1988 – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1988. – 659 с. {The History of the Peoples of the North Caucasus (the end of the XVIIIth century – 1917). – Moscow: Nauka, 1988. – 659 p.}
- Кар.- рус.- польск. сл. 1974 – Караимско-русско-польский словарь. – М.: Русский язык, 1974. – 687 с. {Karaim-Russian-Polish Dictionary. – Moscow: Russkiy jazyk, 1974. – 687 p.}
- Керимов 1967 – *Керимов И.А.* Очерки кумыкской диалектологии. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1967. – 155 с. {*I.A. Kerimov.* Essays of Kumyk Dialectology. – Makhachkala: Daguchpedgiz, 1967. – 155 p.}
- Комри, Халилов 2010 – *Комри Б., Халилов М.* Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа. – Лейпциг-Махачкала: Институт эволюционной антропологии им. Макса Планка, 2010. – 897 с. {*Comrie B., Khalilov M.* Dictionary of Languages and Dialects of the Peoples of the North Caucasus. – Leipzig-Makhachkala: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2010. – 897 p.}
- Кум.-рус. сл. 1969 – Кумыкско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 408 с. {Kumyk-Russian Dictionary. – Moscow: Sovietskaya Encyclopedia, 1969. – 408 p.}
- Магометов 1963 – *Магометов А.Х.* Культура и быт осетинского крестьянства. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1963. – 226 с. {*A.Kh. Magometov.* Culture and Life of the Ossetian Peasantry. – Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House, 1963. – 226 p.}
- Магометова и др. 2015 – *Магометова А.Ш., Хажалиева И.З., Шамурзаева Р.Г., Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Лексика кизлярского говора терского диалекта, неизвестная кумыкскому литературному языку // Записки молодого лингвиста. – Махачкала, 2015. – С. 134–139. {*A.Sh. Magometova, I.Z. Khazhaliyeva, R.G. Shamurzayeva, G.-R.A.-K. Guseynov.* Vocabulary of the Kizlyar Sub-Dialect of the Tersky Dialect, unknown to the Kumyk Literary Language // Notes of the young linguist. – Makhachkala, 2015. – PP. 134–139.}
- Макаров 1848 – *Макаров Т.Н.* Татарская грамматика кавказского наречия. – Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Кавказского, 1848. – VII+143 с. {*T.N. Makarov.* Tatar Grammar of the Caucasus Dialect. – Tiflis: Printing House of the Office of the Mayor of the Caucasus. 1848. – PP. VII + 143.}
- Ольмесов 1994 – *Ольмесов Н.Х.* Бораганский говор и его место в системе диалектов кумыкского языка. – Махачкала: Издательство Дагестанского государственного университета, 1994. – 142 с. {*N.Kh. Olmesov.* The Boragan Sub-Dialect and its Place in the System of Dialects of the Kumyk Language. – Makhachkala: Publishing House of the Dagestan State University, 1994. – 142 p.}
- Ольмесов 1997 – *Ольмесов Н.Х.* Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка. Фонетика. Морфонология. – Махачкала: Издательско-полиграфический центр Дагестанского государственного университета, 1997. – 327 с. {*N.Kh. Olmesov.* Compara-

- tive and Historical Research of Dialect System of the Kumyk Language. Phonetics. Morphology. – Makhachkala: Publishing and Printing Centre of the Dagestan State University, 1997. – 327 p.}
- Перепись 1905 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Терская область. – СПб.: Издание Центрального статистического комитета министерства внутренних дел, 1905. – Т. LXVIII. – 255 с. {The First General Census of the Russian Empire in 1897, Terek Region. – St.-Petersburg: Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of the Interior, 1905. – Vol. LXVIII. – 255 p.}
- Прик 1976 – Прик О.Я. Очерк грамматики караимского языка (крымский диалект). – Махачкала: Дагучпедгиз, 1976. – 189 с. {O.Ya. Prik. An Essay on the Grammar of Karaim Language (Crimean Dialect). – Makhachkala: Daguchpedgiz, 1976. – 189 p.}
- Севортян 1974 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на гласные. – М.: Наука, 1974. – 767 с. {E.V. Sevortian. Etymological Dictionary of Turkic Languages. General Turkic and Inter-Turkic Stems Beginning with Vowels. – Moscow: Nauka, 1974. – 767 p.}
- СИГТЯ 1984 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. – М.: Наука, 1984. – 484 с. {Comparative Historical Grammar of Turkic Languages. Phonetics. – Moscow: Nauka, 1984. – 484 p.}
- СИГТЯ 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 2001. – 822 с. {Comparative Historical Grammar of Turkic Languages. Vocabulary. – Moscow: Nauka, 2001. – 822 p.}
- СИГТЯ 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. – М.: Наука, 2002. – 767 с. {Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages. Regional Reconstructions. – Moscow: Nauka, 2002. – 767 p.}
- СРНГ 1980 – Словарь русских народных говоров. – Л.: Наука, 1980. – Вып. 16. – 376 с. {Dictionary of Russian Folk Dialects. – Leningrad: Nauka, 1980. – Issue 16. – 376 p.}
- ССРЛЯ 1957 – Словарь русского литературного языка. – М.: Наука, 1957. – Т. 6. – 1458 с. {Dictionary of the Russian Literary Language. – Moscow: Nauka, 1957. – Vol. 6. – 1458 p.}
- Хазарский язык – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Хазарский_язык. {Khazar Language. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Хазарский_язык.}
- Хангишиев 1989 – Хангишиев Д.М. Къумукъ диалектологиясы. Къыгъгача курс. – Махачкала, 1989. – 81 с. {D.M. Khangishiyev. The Kumyk Dialectology. A Brief Course. – Makhachkala, 1989. – 81 p. (In Kumyk.)}
- Ханмурзаев, Идрисов 2008 – Ханмурзаев И.И., Идрисов Ю.М. Проблема образования средневекового кумыкского государства Шаухальство в контексте политического наследия Улуса Джучи на Северном Кавказе // Золотоордынская цивилизация. – Казань, 2008. – Вып. 1. – С. 122–136. {I.I. Khanmurzayev, Yu.M. Idrisov. The Problem of Formation of the Medieval Kumyk Shaukhal State in the Context of the Political Heritage of Jochid Ulus in the North Caucasus // The Golden Horde Civilization. – Kazan, 2008. – Issue 1. – PP. 122–136.}
- Челеби 1979 – Эвлия Челеби. Книга путешествий (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). – М.: Наука, 1979. – Вып. 2. – 288 с. {Evliya Çelebi. Travel Book (Extracts from the Work of the Turkish Traveler of the XVIIth century). – Moscow: Nauka, 1979. – Issue 2. – 288 p.}
- Шагиров 1977 – Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. – М.: Наука, 1977. – Т. 1–2. {A.K. Shagirov. Etymological Dictionary of Adyghe (Circassian) Languages. – Moscow: Nauka, 1977. – Vol. 1–2.}
- ЭСТЯ 1989 – Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «И». – М.: Наука, 1989. – 292 с. {Etymological Dictionary of Turkic Languages. General and Inter-Turkic Stems Beginning with the Letters «Zh», «Dzh», «I». – Moscow: Nauka, 1989. – 292 p.}
- ЭСТЯ 1997 – Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на буквы «К», «К». – М.: Наука, 1997. – 363 с. {Etymological Dictionary of Turkic Languages. General and Inter-Turkic Stems Beginning with the Letters «K», «Q». – Moscow: Nauka, 1997. – 363 p.}
- ЭСТЯ 2003 – Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». – М.: Наука, 2003. – 446 с. {Etymological Dictionary of Turkic Languages. General and Inter-Turkic Stems Beginning with the Letters «L», «M», «H», «P», «S». – Moscow: Nauka, 2003. – 446 p.}

Ярбаш, Идрисов 2018 – *Ярбаш С., Идрисов Ю.* Новые сведения о кумыках Северной Осетии // Кумыкский архив. – Махачкала: Абусупиян, 2018. – С. 29–33. {*S. Yarbash, Yu. Idrisov.* New Information about Kumyks of North Ossetia // Kumyk archive. – Makhachkala: Abusupiyan, 2018. – PP. 29–33.}

**Kizlyar sub-dialect of the Terek dialect of the Kumyk language:
lexical features in areal and historical context**

G.-R.A.-K. Guseynov

Makhachkala

Summary: The isolated Kizlyar (villages of Kizlyar, Predgornoye and Maly Malgobek of the Mozdok region of the Republic of North Ossetia–Alania) subdialect of the Terek dialect of the Kumyk language has not yet been the subject of special scientific consideration. The main purpose of this publication is to consider the lexical features of this dialect in the wide areal and historical-etymological context of its relationship with other Kumyk dialects, as well as other Turkic languages. As a result of the analysis, were established additional linguistic and historical arguments that indicate the vast Western areal limits of distribution of the Kumyk language in the late Middle Ages and the earlier emergence of some of the lexical features of this dialect.

Key words: Kumyk language, Terek dialect, Kizlyar subdialect, areal linguistics/areal context, historical context.

Garun-Rashid Abdul-Kadyrovich Guseynov – Ph.D. in philology, professor, Department of the Russian Language, Dagestan State University, e-mail: garun48@mail.ru.